

История повседневности российских военных моряков в 1914–1917 гг.: методологические аспекты изучения

Денис Бажанов

The history of the everyday life of Russian sailors in 1914–1917:
methodology of research

Denis Bazhanov

(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S2949124X24020134, EDN: HHUIUQ

В исторической науке военная повседневность как характеристика человеческого бытия оказалась в поле зрения учёных в 1980-х гг. Популяризатором данного направления следует считать одного из основателей *Alltagsgeschichte* (истории повседневности) А. Людке, заявившего о необходимости изучения механизмов «экстремального выживания в условиях войн, революций»¹. Значительную работу в теоретическом осмыслении этого направления в отечественной науке проделала Е.С. Сениявская. Ещё во второй половине 1990-х гг. она поставила проблему специфических особенностей психологии комбатанта². Важными факторами Сениявская считала как «коллективные настроения», так и бытовую сторону — питание, снабжение, проведение свободного времени³. Тем самым она заострила внимание на двойственном характере повседневного существования военного. Фактически речь шла о «двуедином процессе повседневного существования», т.е. о «взаимодействии конкретного человека с разными реалиями окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия»⁴.

В дальнейшем Е.С. и А.С. Сениявские обратились непосредственно к рассмотрению военной повседневности⁵. Как и представители *Alltagsgeschichte*, они рассматривали повседневность как «преимущественно область “микроуровня” истории», преломляющую и фиксирующую специфические черты и свойства

© 2024 г. Д.А. Бажанов

¹ Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 85.

² Сениявская Е.С. Человек на войне: историко-психологические опыты. М., 1997; Сениявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт. М., 1999.

³ Сениявская Е.С. Психология войны... С. 60–61, 75–79.

⁴ Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. С. 260; Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2014. № 1. С. 8–22.

⁵ Сениявский А.С., Сениявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 3. М., 2010. С. 197–211; Сениявская Е.С., Сениявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017. С. 7–52.

«общественных отношений, включая мета- и макроуровни»⁶. Специфику военной повседневности исследователи видели в первую очередь в её подчинённости логике «фронта», тем самым отделяя её от «тыла». По этой причине «фронтная повседневность» определялась ими как совокупность типичных и уникальных проявлений опасности боя и повседневности быта⁷. Рассматривая понятие «фронтной быт», авторы отождествляли его с «укладом повседневной жизни в боевой обстановке»⁸.

Итак, в самом общем понимании повседневность, в том числе и военная, представляет собой *воспринимаемую человеком окружающую его реальность*. При этом она обладает важным для его мировосприятия свойством — *привычностью*. Привычность определяется прежде всего периодической повторяемостью событий, процессов и явлений, являющейся, по мнению А. Лефевра, «сутью повседневности». При этом необходимо учитывать два типа повторения: циклический, к которому социолог относил явления, связанные с природой (день и ночь, времена года и др.), и линейный, т.е. действия труда и потребления⁹. Характерной чертой привычности является также знание человеком правил и алгоритмов поведения в повторяющихся ситуациях. Таким образом, *предмет* изучения в рамках анализа военной повседневности — с одной стороны, повторяющиеся ситуации жизни комбатантов, с другой — алгоритмы их поведения и мотивации.

Что касается *границ*, или рамок повседневного, то необходимо отметить их гибкость, связанную с процессами *оповседневнивания*. В этой связи обратим внимание на важность функционального социологического подхода к пониманию повседневности. Повседневность понимается как способ освоения («проживания») изменяющейся действительности. Таким образом, речь идёт об одном из основных механизмов выживания индивида — адаптации¹⁰. Сфера повседневного является своеобразным «якорем». Она удерживает личность от неконтролируемых изменений, делает существование человека более устойчивым в психологическом плане в периоды активной событийности, т.е. резких перемен. Образную формулировку предложил Б. Вальденфельс: «Человек... должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения навыки человека преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, пространственной ориентации жилища, распределения времени и многого другого — всего того, что принадлежит миру близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться»¹¹. Индивид вырабатывает механизмы, с помощью которых он «включает» новое в известную ему систему, «осваивает» новую реальность, оповседневнивая её.

Структура военной повседневности может рассматриваться двояко. А.С. и Е.С. Сенявские разделили повседневность на крупные проблемные блоки.

⁶ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования... С. 198.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Лефевр А., Эдельман Н., Вахштайн В. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. Т. 6. 2007. № 3. С. 35.

¹⁰ Cohen Y. Man in adaptation: the cultural present. Chicago, 1968. P. 45.

¹¹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991. С. 42.

К первой сфере они отнесли всё, что связано со спецификой психологии военного: механизмы переживания экстремальных ситуаций, чувственная сфера и т.п. Ко второй, преимущественно материальной, — «фронтной быт», т.е. выполнение служебных обязанностей, отдых и досуг, боевое и бытовое (продовольствие, обмундирование, денежное довольствие) снабжение, медицинское обслуживание и связь с тылом¹².

Я, в свою очередь, ориентируюсь на так называемую *хронологическую* структуру военной повседневности. Для анализа повседневности моряков такой подход представляется более правильным, так как в годы Первой мировой войны морские сражения происходили редко и личный состав значительное время проводил на базах. В этих условиях понятия «фронт» и «боевые действия» размывались. С войной у моряков ассоциировалась сама служба. Хронологическая структура включает в себя, во-первых, *время непосредственно служебное* («рабочее»), т.е. такое, когда комбатант не принадлежит самому себе, исполняя служебные обязанности или поручения. Во-вторых, *свободное время*, или досуг, когда моряк может более или менее самостоятельно определять характер своей деятельности. Необходимо, однако, уточнить, что даже в эти периоды он не считался свободным от службы.

Для понимания характера повседневности военных моряков в период Первой мировой войны важную роль играет изучение «бюджета времени», т.е. соотношение «рабочих» (служебных) и свободных часов. Служебное время требует постоянного напряжения физических и душевных сил, максимальной готовности выполнять должностные и морально-этические обязанности, в то время как свободное время может быть сильно ограничено или на определённых этапах практически отсутствовать. Первая мировая война дала истории примеры участия комбатантов в различных длительных операциях. Тыловая военная повседневность представляется приближенной к повседневной практике военного человека в мирное время (в этом я солидарен с Сенявскими¹³). Она характеризуется более чётким делением времени на служебное и личное, позволяет больше внимания уделять себе как личности, ставить свои интересы в некоторых случаях выше общественных, корпоративных или государственных.

Бюджет служебного и свободного времени не был единообразным на всём протяжении рассматриваемого периода и зависел от ряда факторов. Первым выступало время года. Например, на Балтийском морском театре с середины весны до начала зимы флот принимал более активное участие в кампании, поэтому временная структура повседневности приближалась к так называемому фронтному типу. В период же зимы и части весны структура напоминала «тыловую». Характерным представляется замечание П.Е. Дыбенко о том, что «зимовка нисколько не отличалась от мирного времени»¹⁴. В то же время корабли Черноморского флота подобных пауз не имели.

Вторым фактором являлась служба моряка на том или ином военном корабле, которые использовались по-разному. Если выходы для решения боевых задач минных заградителей, миноносцев, тральщиков, сторожевых кораблей

¹² Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования... С. 201, 202; Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность... С. 26–27.

¹³ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования... С. 200.

¹⁴ Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018. С. 31.

были активны, что приводило к малой продолжительности времени их пребывания на основной базе, то крейсера и, в большей степени, линейные корабли использовались реже. Это было связано с потенциальным ущербом для решения стратегических задач в случае их гибели. В результате основное внимание уделялось практической подготовке экипажей.

Третьим фактором следует назвать военную стратегию и тактику, а также обстановку на театре военных действий. Например, в первые военные месяцы командующий Балтийским флотом Н.О. фон Эссен чрезвычайно активно привлекал к решению боевых задач все корабельные соединения, заставляя их действовать в тесной связи друг с другом. Однако гибель крейсера «Паллада» в сентябре 1914 г. и запрет командующему распоряжаться достраивавшимися линкорами типа «Севастополь» без санкции императора заставили пересмотреть основные принципы организации боевых действий. На Черноморском театре адмирал А.А. Эбергард для выполнения разносторонних задач (организация блокады пролива Босфор, пресечение коммуникаций снабжения турецких войск в Анатолии) использовал тактику крейсерских операций. Это приводило к частым выходам основных сил флота осенью 1914 – весной 1915, а также осенью 1915 – зимой 1916 г. В то же время износ механизмов кораблей вынудил сократить активность в летние месяцы. Следует учитывать и воздействие со стороны неприятеля, что выражалось в переброске им дополнительных сил на театр военных действий, либо, наоборот, в уменьшении его активности.

Четвёртый фактор – положение, занимаемое моряком в военной иерархии, т.е. его принадлежность к одной из групп личного состава. Количество свободного времени у основных профессиональных групп, относящихся к понятию «военный моряк» (офицеров, унтер-офицеров, матросов), различалось.

Важной проблемой, связанной с характером повседневности, представляется рассмотрение динамики соотношения служебного и свободного времени личного состава с применением статистического анализа. Существенную роль в исследовании бюджета времени играют делопроизводственные источники – вахтенные журналы. Именно они фиксируют количественные характеристики «фронтального» и «тылового» типов повседневности. При выходах кораблей в море для выполнения боевых задач в вахтенных журналах не отмечались паузы, которые можно квалифицировать как свободное время для личного состава. Исключение составляли часовые перерывы на обед, не относившиеся к несущей вахту части экипажа¹⁵. Во время стоянок на базах очередные судовые работы выполнялись с 9.00 до 11.30 и с 14.30 до 17.30. Артиллеристам и радиотелеграфистам они могли заменяться на обучение по специальности. По субботам экипаж занимался судовыми работами только в первой половине дня, в воскресенье обходились без них.

На изменение характера бюджета времени повлияли революционные события 1917 г. В течение марта–октября 1917 г. наблюдалось постепенное, хоть и нелинейное, сокращение количества времени, которое команда проводила, выполняя необходимые работы и тренировки. Причиной этого, судя по вахтенным журналам, являлись в основном политические события – демонстрации, митинги. С лета 1917 г. большое влияние стали оказывать общие собрания моряков. Постановлением бригадного комитета с 29 июня 1917 г. подобные собрания на балтийских линкорах для «обсуждения общеполитических вопросов

¹⁵ Свод морских постановлений. Кн. X. Морской устав. Пг., 1914. С. 116.

и текущих дел» было решено проводить не реже раза в две недели¹⁶. Тем самым получают объективное подтверждение суждения исследователей о влиянии политизации жизни военных моряков на снижение их боеготовности¹⁷.

При рассмотрении времени, выделяемого на непосредственное исполнение военными моряками служебных обязанностей, необходимо учитывать характеристики, дававшиеся ими в своих письмах, дневниках и воспоминаниях. Это позволяет выстроить логику анализа служебной стороны повседневности.

Первой особенностью является оповседневнивание «рабочего» времени. В письмах различных групп моряков-балтийцев фиксируется недовольство однообразной служебной деятельностью. Так, матросы Г.И. Боборыкин и Ф. Данцев, служившие на миноносцах, жаловались летом 1915 г. на постоянное нахождение в море и «тоску по берегу»¹⁸. Боборыкин замечал, что «большие корабли стоят преспокойно в портах около стенок, а некоторые ещё и совсем в море не были»¹⁹. В то же время неизвестный матрос с одного из крупных кораблей в разгар сражения в Рижском заливе в августе 1915 г. жаловался: «В бою мы ещё не были — начальники нас не ведут». И затем с оттенком иронии и раздражения добавлял: «Отираем стенки бортами и потом их красим»²⁰.

Жалобы не были чужды и представителям офицерского состава. Так, в переписке вахтенного офицера крейсера Балтийского флота «Рюрик» мичмана А.И. Рогозина летом—осенью 1915 г. скука от служебных будней проявлялась регулярно. 3 июля он писал жене: «Да скоро ли война кончится, надоела она. По-моему, воевать так воевать, а нет — так и не надо... У нас всё по-старому, теперь сплю, не вставая, только на вахту встаю, и так с утра до вечера»²¹. Крейсер, где служил Рогозин, заканчивал устранение повреждений, полученных в бою у острова Готланд в июне 1915 г. Однако когда «Рюрика» начали привлекать для охраны минных постановок, Рогозин меньше тяготиться не стал. 1 августа он констатировал в письме: «Как было спокойно раньше, не бегали из одного места в другое, а стояли... Хотя бы война поскорее кончилась, по крайней мере известно было бы, где будем находиться... У нас сейчас идёт цикл вахт... опять тоска и скука, всё валится из рук, и чего нас понесло сюда, вот уж не знаю»²².

Эти материалы позволяют выявить специфику служебного времени военных моряков. Корабли русского флота в годы Первой мировой войны находились в непосредственном контакте с неприятелем непродолжительное время. Даже выходы на коммуникации противника не делали участие в боях обязательным, что способствовало рутинизации служебных обязанностей. Выходом из этого состояния могли стать смена места службы, изменение характера применения корабля или соединения на театре военных действий, однако такие перемены случались нечасто.

¹⁶ РГАВМФ, ф. Р-852, оп. 1, д. 8, л. 33.

¹⁷ Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции. 1917—1918 гг. М., 2017. С. 192.

¹⁸ РГАВМФ, ф. 1340, оп. 1, д. 763, л. 145, 146.

¹⁹ Там же, л. 146.

²⁰ Там же, л. 202.

²¹ Цит. по: Аникин И.П. Из гардемаринов в подводники. Очерк, составленный по письмам моряков, архивным документам и публикациям // Военно-морской флот России (URL: <http://www.navy.su/navybook/anikin/05.html> (дата обращения: 02.11.2023)).

²² Там же.

Имела место некоторая ротация матросов-специалистов (артиллеристов, минёров), проходивших на линкорах своеобразное «обучение» обращению со сложными механизмами. Позднее командование переводило их на корабли, активно задействованные в решении боевых задач. Например, артиллерийский офицер дредноута Балтийского флота «Севастополь» лейтенант С.П. Ставицкий, оценивая в ноябре 1915 г. готовность подчинённых, отмечал: «С осени же [19]15 года начались усиленные перемещения личного состава... команду, проводшую стрельбы в течение двух кампаний в видах омоложения её... и комплектования на флоте... заменили в количестве $\frac{1}{3}$ новобранцами»²³. По штатам линкора численность артиллерийской команды составляла 120 человек, т.е. место службы сменили не менее 40 матросов. Однако в дальнейшем подобные смены командование линкоров старалось минимизировать, и таких масштабных переводов артиллеристов больше не происходило.

Наиболее радикальным путём изменения условий «рабочего» времени можно считать «патриотические побеги» — выявленные среди нижних чинов, служивших на Балтике, случаи дезертирства с кораблей на фронт в 1914–1916 гг. В августе 1915 г. командование флотом разослало запрос о бежавших. Присланные ответы позволяют оценить их количество в 28 человек²⁴. Однако эти данные оказались неполными, поскольку командование далеко не всегда знало, куда направился моряк.

Начало Первой мировой войны вызвало подъём желания служить на кораблях. Лейтенант А.А. Соболев, назначенный в августе 1914 г. командовать батареей в финляндских шхерах, писал офицеру штаба Ф.Ю. Довконту: «Те ночи, которые я не провожу у пушек, я не сплю, так как мысль, что я на войне не на флоте, который в моей жизни всё... не даёт мне спать»²⁵. Отправившийся охотником (т.е. добровольцем) на флот в августе 1914 г. В.А. Юргенс позднее сообщал о своих мотивах: «Я думал, что во флоте попаду скорее в бой»²⁶. Косвенно подтверждают эти временные изменения данные по количеству нарушений дисциплины в бригаде балтийских линкоров-дредноутов в 1914 г. Общее число совершивших проступки составило 142 человека. Из них за пять военных месяцев (август–декабрь) наказали только 13 человек²⁷.

Вторая особенность заключается в связи бытовых условий со служебным временем. Так, в письмах моряков Балтийского флота, задержанных военной цензурой и доставленных адресатам, авторы в 9,8% случаев (5 писем из 51) отмечали качество питания как характеристику и часть службы. Телеграфист штаба бригады линкоров-дредноутов Балтийского флота В. Тимофеев жаловался в январе 1915 г.: «Кормят нас ужасно, [так] что и работать не хочется». Он уточнял, что проблема — в сравнительно небольшом количестве супа на обед, а также в отсутствии свежего хлеба и употреблении вместо него сухарей. Об этом тогда же сообщал и матрос линкора «Гангут» А.Е. Соколов²⁸. Проблемы были связаны как с переводом получения продовольствия в Свеаборгском складе, так и проверкой состояния корабельных пекарен. Показательно, что в дальнейшем подобные претензии в этом источнике не появлялись. Однако

²³ РГАВМФ, ф. 477, оп. 1, д. 63, л. 95 об.

²⁴ Там же, ф. 479, оп. 2, д. 1021, л. 19, 21, 25, 26, 28, 30, 34, 49, 50, 51.

²⁵ Там же, ф. 760, оп. 1, д. 14, л. 32 об.

²⁶ Там же, ф. 743, оп. 1, д. 19, л. 4.

²⁷ Там же, ф. 829, оп. 1, д. 94, л. 99.

²⁸ Там же, ф. 1340, оп. 1, д. 762, л. 46, 125.

с 1916 г. ситуация ухудшилась как на Балтике, так и на Чёрном море. Наоборот, описание стола в кают-компаниях, вопросы пошива мундиров если и попадали в письма и воспоминания офицеров, то исключительно как проблемы частные, относившиеся ко внеслужебной жизни²⁹. Как правило, офицеры решали их своими силами и за свой счёт.

Наконец, важной особенностью времени, которое выделялось морякам на исполнение служебных обязанностей, являются связи восприятия службы и межличностного взаимодействия. С одной стороны, речь шла о дружеских неформальных связях, о чём участники событий в воспоминаниях сообщали чаще. А.П. Белобров, например, писал о своей радости, когда на миноносец «Гайдамак» вахтенным офицером назначили хорошо ему знакомого Г.В. Биттенбиндера³⁰. В.А. Белли с теплотой упомянул офицера линкора «Цесаревич» старшего лейтенанта А.Р. Гутана, знавшего его по началу его морской службы. В воспоминаниях матросов можно встретить аналогичные черты. Назначенный в 1914 г. на линейный корабль «Император Павел I» Н.А. Ховрин достаточно быстро, по его словам, познакомился с В.М. Марусевым. Мотивом для знакомства стала помощь по службе: «Мне, например, больше всех помогал матрос Василий Марусев — общительный и знающий человек... Свою морскую специальность он знал в совершенстве и многому меня научил»³¹. Гальванёр дредноута «Гангут» Д.И. Иванов вспоминал о своих товарищах, с которыми начинал службу в Учебно-артиллерийском отряде³². Однако в личной переписке подобные упоминания редки, ещё реже встречаются имена представителей других социальных групп.

Служебное время рассматривалось и через характер взаимоотношений, обусловленных нормами и правилами поведения. Судя по отношению, которое ретранслировалось рядовыми моряками в период революционных событий, дисциплина воспринималась ими как неотъемлемая черта службы. Так, в статье унтер-офицера Балтийского флота Г. Корнева она обозначена как «николаевская», т.е. связанная исключительно с дореволюционной порой³³. С.П. Лукашевич, служивший на миноносце «Всадник», выступая на вечере воспоминаний старых моряков в 1934 г., рассказал подробности заседания комиссии по созданию нового Свода военно-морских положений. Когда выступал главный военно-морской прокурор В.И. Юровский и «сказал, к слову, “дисциплинарный”, то делегаты зашумели, засвистели. Одно слово “дисциплина” для матросов того времени было неприемлемо»³⁴.

Дисциплина в вооружённых силах является системой норм и правил поведения представителей всех групп личного состава, закреплена нормативными документами и обладает принудительной силой. В ст. 1 Военно-морского дисциплинарного устава дисциплина определялась как «строгое и точное соблюде-

²⁹ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914. СПб., 2006. С. 91, 94–95; Белли В.А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 293–294.

³⁰ Белобров А.П. Воспоминания военного моряка. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 220; Белли В.А. Указ. соч. С. 264.

³¹ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 3–4.

³² Иванов Д.И. Я — матрос «Гангута»! М., 1987. С. 14.

³³ Корнев Г. Опомнитесь! // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 апреля.

³⁴ РГАВМФ, ф. Р-402, оп. 2, д. 94, л. 416.

ние правил, предписанных военно-морскими законами». Уже в официальном определении этой категории излагались те нормы восприятия и поведения, которые следовало культивировать. В эту категорию входили «чинопочитание», исполнение приказов начальства, поддержание порядка, соблюдение обязанностей службы. В ст. 5 дисциплина определялась как условие соблюдения «пользы службы»³⁵.

Военных моряков связывали и взаимоотношения, построенные на иных основаниях: чувственных, корпоративных. Рассматривая случаи формально-девиантного поведения, мы имеем возможность реконструировать нормы неформального поведения и взаимодействия представителей основных подгрупп моряков. Приказы и судебные дела дают основания предполагать сохранение разделения личного состава флота и на неформальном уровне на несколько групп. Это офицеры, заинтересованные не только в выполнении приказов, но и в соблюдении формальных условий службы; унтер-офицеры, непосредственно отвечавшие за выполнение приказов и использовавшие формальную сторону службы в качестве дополнительного средства давления на подчинённых, и, наконец, нижние чины, стремившиеся исполнять возложенные на них обязанности с минимальными затратами.

Представители каждой из этих групп осознавали свою обособленность, что проявлялось в незначительном количестве столкновений. Так, на соединениях Балтийского флота в 1915–1916 гг. удалось выявить 14 проступков рядовых против рядовых, два – в среде унтер-офицеров и ни одного столкновения морских офицеров. При расследовании служебных конфликтов с представителями других групп проявлялась круговая порука, выражавшаяся в показаниях, смягчавших вину. Например, 29 октября 1914 г. на линкоре «Император Павел I» разбирался конфликт строевого унтер-офицера Г. Миронова и матроса I статьи Р. Отто. Последний заканчивал мыть палубу, когда получил приказ унтер-офицера идти заниматься другим делом. Отто сообщил, что предыдущая работа не выполнена полностью, но Миронов посчитал, что сделано это было в грубой форме, и взял матроса за плечо. Тот ударил (по показаниям Миронова) или толкнул (по версии Отто) унтер-офицера. Свидетель, матрос II статьи Н. Перелыгин, сообщил корабельному суду, что матрос оттолкнул унтер-офицера, а тот ударил нижнего чина. В результате Отто получил лишь дисциплинарное взыскание³⁶. При этом не удалось обнаружить ни одного дела, где аналогичную солидарность проявили бы офицеры, что демонстрирует их разобщённость, ярко проявившуюся и в период революционных выступлений на флоте в 1917–1918 гг.

Регулярное наличие свободного времени у военных моряков свидетельствовало о нахождении корабля на базе или стоянке, что соответствовало «тыловому» типу повседневности. Дыбенко вспоминал о начальных месяцах войны: «Первый шквал сумбура и неразберихи прошёл. Нервы уравнились, и на корабле воцарились относительная тишина и спокойствие. Даже на берег стали пускать»³⁷. Именно тогда командный состав или нижние чины могли расходовать время на себя. Если офицер не привлекался к выполнению служебных задач или не находился на вахте, то унтер-офицерам и матросам приходилось сложнее. Исключая обеденные перерывы и часовой отдых днём, к досугу можно

³⁵ Свод морских постановлений. Кн. XVII. Военно-морской дисциплинарный устав. СПб., 1898. С. 1.

³⁶ РГАВМФ, ф. 829, оп. 1, д. 72, л. 554.

³⁷ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 31.

отнести время после 19 часов. Особое значение приобретали кратковременные отправки на берег. Решение данного вопроса, согласно ст. 1102 и 1103 Устава, оставалось на усмотрение командира или старшего офицера³⁸. Эту возможность нижние чины получали по очереди.

Следовательно, о свободном времени военные моряки сообщали более скупое. Отдельные упоминания зафиксированы в 5,8% (4 из 51) писем, преимущественно нижних чинов. Главная задача подобных сообщений заключалась в донесении сведений о благополучности и безопасности службы. Отдельные упоминания встретились в письмах знакомым и бывшим сослуживцам. Старший гальванёр Ф.С. Мерзляков, служивший в охране Ревельского рейда, в письме от 2 сентября 1915 г. отмечал пользу досуга для дальнейшего несения службы³⁹. Командный состав в этом вопросе был откровеннее. Неизвестный офицер писал в мае 1915 г. о «тоскливом настроении» в свободное время, борясь с которым он «забылся в вине»⁴⁰. Письма мичмана А.И. Рогозина также фиксировали рутинность этой части повседневной жизни. Он сообщал в июле 1915 г.: «Или рыбу ловлю, или вахту стою, так и день проходит. Скучно ужасно»⁴¹. Общим местом упомянутых писем являлось нахождение авторов в свободное время по месту службы — на корабле или в Ревельском порту.

Способы времяпрепровождения моряки изобретали для себя сами. Попытки его разнообразить носили эпизодический характер и касались далеко не всех соединений. В частности, зимой 1916–1917 гг. на линкорах Балтийского флота «Андрей Первозванный» и «Слава» состоялись лекции, посвящённые Ютландскому сражению. При этом в приказе начальника бригады оговаривалось, что присутствовать должны командиры кораблей, офицеры штаба бригады и старшие специалисты. Остальным офицерам разрешалось явиться «по желанию»⁴². Основным видом времяпрепровождения нижних чинов были спортивные состязания. На Балтийском флоте создавались группы желающих кататься на лыжах и коньках, а летом организовывались футбольные матчи и турниры по классической борьбе⁴³. Внимание уделялось творческой деятельности, например, организации театральных постановок⁴⁴. Однако такой досуг подходил не для всех и не для всякого времени года. В преимущественном положении оказывались экипажи крупных кораблей, реже покидавших базы. Подобная ситуация сложилась и на иностранных флотах⁴⁵.

Также нужно учитывать, что команды проводили мероприятия в лучшем случае под контролем офицеров, но без их непосредственного участия. Судя по замечаниям А.П. Павленко, аналогичная тенденция прослеживалась накануне революционных событий на Черноморском флоте⁴⁶. Такой подход, в отличие

³⁸ Свод морских постановлений. Кн. X. С. 165.

³⁹ РГАВМФ, ф. 479, оп. 3, д. 914, л. 5.

⁴⁰ Там же, ф. 1340, оп. 1, д. 763, л. 133.

⁴¹ Цит. по: Аникин И.П. Из гардемарин в подводники...

⁴² РГАВМФ, ф. 902, оп. 1, д. 168, л. 26.

⁴³ Иванов Д.И. Это было на Балтике. Львов, 1965. С. 126, 145; Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 207.

⁴⁴ Четверухин Г.Н. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 2. С. 93.

⁴⁵ Wolz N. «Und wir verrosten im Hafen». Deutschland, Großbritannien und der Krieg zur See 1914–1918. München, 2013; Wolz N. Morgens Krieg, abends Kino. Alltag in der Kaiserlichen Marine 1914–1918 // Der Erste Weltkrieg zur See. Berlin; Boston, 2017. S. 133–151.

⁴⁶ Павленко А.П. Борьба за умы личного состава в 1917 г.: лекции офицеров Черноморского флота для матросов и солдат (документы РГАВМФ) // Документ. Архив. История. Современность.

от флотов союзников, особенно британского⁴⁷, подчёркивал дистанцию между различными группами экипажей.

Возможность попасть на берег воспринималась сугубо положительно. Дыбенко писал: «С какой жадой вы вырываетесь на берег! За несколько часов вы успеваете везде побывать»⁴⁸. Существенную роль при этом играет исследование жизни береговых флотских баз: Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, Севастополя, Владивостока, Архангельска. В исследованиях столицы Финляндии Е.Ю. Дубровская отметила разделение городского пространства для нижних чинов на «свои» и «чужие» зоны. К первой относилась городская периферия: окраинные парки и скверы, кафе и трактиры, а также припортовая территория и близлежащие улочки. Наоборот, центр города с кинематографами, фешенебельными ресторанами и основными театрами оставался для них неподходящим местом, так как здесь можно было столкнуться с офицерами, а это повышало риск получения дисциплинарных взысканий⁴⁹. «География» крупнейшей базы Балтийского флота подтверждает тезис о разобщённости моряков по социальному и профессиональному статусу. Тем более логичным видится крушение всех барьеров и стремительный «захват» центра города нижними чинами в революционных событиях 1917 г.

Основным лейтмотивом поведения и офицеров, и нижних чинов в свободное время на берегу в годы войны было стремление несовпадения, несоответствия его с регламентированным — на «работе», т.е. при исполнении обязанностей. Однако на выбор мест накладывались ограничения. Командный состав мог воспользоваться Морским собранием⁵⁰, в то время как унтер-офицеры и матросы подобной возможности не имели. Обнаружена единственная попытка командования изменить положение дел. В конце января 1917 г. командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин добился выделения денежных сумм и земельного участка на окраине главной базы флота — Гельсингфорса — для строительства «Морского дома»⁵¹, однако начавшаяся революция не позволила реализовать этот план. Названные обстоятельства способствовали увеличению количества девиантных поступков — употреблению алкоголя, неотданию чести старшим по званию, нарушению правил общественного порядка, азартным играм.

Большое влияние на внеслужебные модели поведения оказывала политизация общественной жизни. На первых порах она проявилась в повышенном интересе нижних чинов и части офицеров к политическим митингам, демонстрациям, просветительской деятельности⁵². Важным представляется и перенос

2015. Вып. 15. С. 421.

⁴⁷ Шульц Г.К., фон. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000. С. 9, 10, 19.

⁴⁸ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 17.

⁴⁹ Дубровская Е.Ю. Имперская символика Гельсингфорса глазами российских военных: рубеж XIX–XX вв. и годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. С. 120.

⁵⁰ Подробнее см.: Масыгин В.П. «Морские собрания — благородная профессиональная традиция офицеров Российского флота» (из истории Морских собраний Российского флота) // Пространство и время. 2013. № 2(12). С. 116–125.

⁵¹ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 208.

⁵² Дубровская Е.Ю. Общественные настроения российских военнослужащих в Финляндии весной–летом 1917 г. // Военно-историческая антропология. 2007. Т. 2005/2006. С. 220–232; Дубровская Е.Ю. Политические взгляды и позиции российских военных в Финляндии на заключитель-

основных принципов этого поведения в служебную сферу. Это вызывало, с одной стороны, подрыв дисциплины и провоцировало столкновения с офицерами всех рангов, с другой — способствовало формированию восприятия военной службы как части общественной жизни. Ф.Ф. Раскольников вспоминал об обстановке на крупных кораблях Балтийского флота в июне 1917 г.: «Мы сразу почувствовали себя, как дома. Поднявшись на командирский мостик, заменявший... ораторскую трибуну, мы начали выступление»⁵³. Участилось неисполнение приказов на кораблях на Чёрном море (эсmineц «Жаркий») и на Балтике (линкор «Слава», минный заградитель «Припять»).

Упрощённое восприятие нижними чинами понятий «свобода», «право», «гражданственность» приводило к росту количества девиантных поступков в свободное время. Если в первые недели революции они подвергались серьёзному коллективному осуждению, то уже к концу весны — началу лета 1917 г. участники стали объяснять их новыми реалиями революционной жизни. Более того, революция стала выступать как оправдание отдельных правонарушений⁵⁴. Такое её «затаскивание» по бытовым поводам свидетельствовало, что и новый общественно-политический переворот стал рутинизироваться, и изменившаяся реальность подчинялась личным целям.

Революционная пора сделала возможными выступления моряков по злободневным вопросам современности в периодической печати. Это позволяет проанализировать понимание ими специфики событий 1917 г., что в свою очередь способствует реконструкции важных элементов революционного сознания. Здесь серьёзные перспективы имеет исследование с помощью лингвистического и структурного методов «языка революции» военных моряков, выявление употребляемых социолектов, а также понимание их значений, т.е. работа, проводимая в настоящее время в отношении других профессиональных и социальных групп⁵⁵.

Таким образом, изучение повседневной жизни военных моряков в период Первой мировой войны уже имеет некоторую традицию в отечественной исторической науке. Понимаемая как повторяющаяся, привычная и осознаваемая в качестве таковой окружающая действительность позволяет показать военно-морской флот во всей полноте. Исследование бюджета времени, быта даёт возможность рассмотреть условия функционирования этого института. Межличностное взаимодействие как формальное, так и неформальное, выявляет институции, т.е. нормы функционирования.

К достижениям изучения можно отнести наработки по дифференциации восприятия периодов исполнения служебных обязанностей. В частности, большое значение имеет рассмотрение механизмов оповседневнивания любой

ном этапе Первой мировой войны (весна—лето 1917 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27. 2022. № 1. С. 20—34; *Павленко А.П.* Борьба за умы личного состава... С. 420—430.

⁵³ *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году // *Раскольников Ф.Ф.* О времени и о себе. Л., 1987. С. 146.

⁵⁴ Из залы суда // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов, армии и рабочих. 1917. 28 июля; РГАВМФ, ф. 556, оп. 1, д. 149, л. 12—12 об.; *Павленко А.П.* Конфликты офицеров с нижними чинами на Черноморском флоте (март 1917 — март 1918 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 130. 2014. № 3. С. 45, 47.

⁵⁵ Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны. Сборник статей. СПб., 2018; Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. Сборник статей. СПб., 2022.

служебной деятельности, что показывает существенную причину явления, называемого «усталостью от войны». Можно провести аналогичные параллели и в восприятии революционных событий в 1917 г.

Изучение свободного времени и способов его проведения ярко продемонстрировало разобщённость офицерского состава и нижних чинов. Их относительно малое взаимодействие и слабое знакомство вне службы способствовали созданию отчуждённого отношения и одностороннего восприятия. Исследование повседневности военно-морских баз, взаимоотношений моряков и местного населения, показывает возможности использования для реконструкции не только источников личного происхождения, публицистики, но и материалов делопроизводства, в первую очередь вахтенных журналов, приказов и судебно-следственных материалов.

Дальнейшее изучение этой проблемы имеет большие перспективы. Прежде всего, необходимо расширение источниковой базы, особенно за счёт писем и дневников участников событий. Также в настоящее время наблюдается интерес исследователей к изучению личного состава Балтийского флота. Имеются наработки по морякам-черноморцам, остальные флотилии и соединения пока не привлекли значительного интереса. Сохраняется необходимость и в проведении сравнительных исследований повседневной службы экипажей кораблей иностранных флотов.

Изучение военно-морской повседневности открывает новые перспективы в понимании мотивов действий участников не только в годы Первой мировой войны, но и в революционных событиях 1917 г. Именно специфика повседневной службы оказала влияние на общественно-политический выбор моряков и привела их в различные лагеря гражданского противостояния. Без привлечения этих данных исследование кризиса, в котором оказалась российская государственность в конце 1910-х — начале 1920-х гг., будет неполным и односторонним.